

УДК 37.018.1

СЕМЬЯ И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Ключевые слова: семья, русская семья, брак, семейное воспитание, распад семьи, семейные взаимоотношения, любовь, духовность.

Согомоньян Н.В.

*ассистент кафедры дошкольной педагогики
факультета педагогики
и практической психологии
Педагогического института
Южного федерального университета*

В России всегда существовал неизменный интерес к проблемам семьи. Семья неоднократно являлась объектом философского осмысления, глубокого научного анализа, предметом общественных споров.

По мнению ряда современных западных социологов (Паскаля, Вейдле, Рикмана и др.), в русской философии традиционно существовал свой собственный взгляд на природу семьи, эволюцию ее развития, особенности семейного воспитания, семейные взаимоотношения. Но именно на рубеже XIX–XX вв. эти взгляды трансформировались в определенные модели, в которых не только констатировалось состояние семьи в русском обществе, но и определялись пути ее дальнейшего развития. Однако оценки семейной ситуации и прогнозы семейных изменений были весьма различны.

Так, в своей работе «Русский народ и социализм» А. Герцен, отмечая особенности традиционной русской крестьянской семьи, указывал на ее патриархальность и сплоченность. «Сельская семья, – писал он, – неохотно дробится; нередко три, четыре поколения проживают под одним кровом, вокруг патриархально властвующего деда. Женщина, обыкновенно угнетенная, как это бывает везде в земледельческом сословии, пользуется уважением и почетом, когда она вдова старшего в роде...» [3]. К консервативным элементам русской ментальности он относил чрезвычайно сильно развитый семейный быт, сохранившийся в крестьянской среде.

Основанием семейного союза и отношений между мужчиной и женщиной, по мнению Герцена, должна являться любовь. При этом, однако, он отвергал полную монополию любви в семье, считая, что муж и жена не должны уклоняться от всеобщих

интересов гражданственности, искусства, науки.

Герцен полагал, что на женщине лежат великие семейные обязанности относительно мужа – те же самые, которые муж имеет к ней, а звание матери поднимает ее над мужем. И именно здесь она «во всем торжестве: женщина более мать, чем мужчина отец», потому что дело начального воспитания – дело величайшей важности – принадлежит матери. «Отстранить ее от воспитания можно только тогда, когда она захочет этого. Силой отнять детей – варварство и противоречие с системой, дающей всякой страсти развитие» [2].

Однако предназначение женщины А. Герцен видел не только в семейной жизни и не в жизни исключительно сердцем. «Ее мир, – писал он, – не должен быть ограничен спальней и кухней» [там же]. Если женщина не будет ограничена только этим, то и воспитание станет полезнее. Семейное призвание женщины, по мнению философа, не должно никоим образом мешать ее общественному призванию, а воспитание женщин-матерей не должно ограничиваться «гаремным заключением» и воспитанием в невесты, так как мысль, что сама женщина в себе никакой цели не имеет, кроме замужества, не нравственна и непристойна.

Д. Писарев, подобно Герцену, рассматривал русскую семью через призму взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Характеризуя эти отношения, он отмечал, что до сих пор мужчина и женщина мешают друг другу жить, они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами, отравляют друг другу жизнь: «Разойтись они не могут, сойтись как следует не умеют и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются в

такие сложные, мучительные, неестественные отношения, о которых свежий человек со здоровым мозгом не может себе составить даже приблизительно верное понятие» [5].

Причину таких взаимоотношений Писарев видел, с одной стороны, в отсутствии воспитания, периодических журналов, в которых заговорили бы о женщине, а с другой – в угнетении мужчинами женщин и клевете на них, в постоянном обвинении женщин в отсутствии у них тех или других высоких добродетелей, в наклонности к тем или другим преступным слабостям.

К негативным сторонам отечественного семейного воспитания философ относил неумение русских матерей воспитывать детей из-за отсутствия элементарных педагогических знаний; их пустое кокетство: «Вы воспитываете скверно, – писал он, – вы сами пусты, вы живете нарядами и выездами, вы не думаете о страшной ответственности, которая лежит на вас перед обществом, перед родиной, перед собственной совестью» [там же]. Все это Писарев связывал с условиями российской действительности, с отсутствием равных возможностей: «Наши матери плохо воспитывают, – согласен; да где ж им было научиться приемам здоровой педагогики, где им было проникнуться человеческими идеями? Что же им делать, когда они ничего лучшего не знают? А не знают они потому, что с ними никто по-человечески не говорил» [там же]. Вину за это он возлагал на мужчин, дирижирующих оркестром общественных убеждений.

Рассматривая положение женщины в семье, Д. Писарев отмечал ее зависимость и бесправность: «Она постоянно является страдальцею, жертвою или по крайней мере страдательным лицом». Для «освобождения» женщины философ предлагал вызвать ее на

размышление, критику, создать благоприятные условия для ее самостоятельности, развить в ней силы протеста и борьбы, борьбы самой разнообразной: внутренней, ломки прежних убеждений и созидания новых, борьбы с семейными властями, с маменьками, с тетюшками, с их «матримониальными планами, с их великосветскими предрассудками, с их мещанскою посредственностью и окоченевшею рутинностью», борьбы с общественным мнением, с насмешками, намеками и сплетнями; помочь избавиться от той формы, в которую отлили ее понятия, чувства и действия.

Н. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» пытался ответить на вопрос, поставленный Д. Писаревым: почему русский мужчина пасует перед активной позицией женщины? В произведениях русских писателей (Тургенева, Гончарова) он увидел отражение процесса духовного раскрепощения женщины, впервые решившейся заявить о своем праве на любовь. И что же? Русские мужчины спасовали, они оказались неспособными ответить на этот вызов: «Она сама должна сказать ему, что любит его, – размышляет Чернышевский, – но он, видите ли, не догадался и не посмел сказать ей этого; а когда женщина, которая должна принимать объяснение, вынуждена, наконец, сама сделать объяснение, он, видите ли, “замер”, но почувствовал, что “блаженство волною пробегает по его сердцу”... он совершенно потерял голову; едва успел оправиться человек, подходит к нему женщина, которую он любит, которая высказала ему свою любовь, и спрашивает, что теперь намерен делать? Он... он “смутился”» [8].

Причину этого Чернышевский видел в обстоятельствах жизни русского человека – тусклых и жестоких, которые, по его мнению, были весьма типичны.

На основе анализа приведенных мнений и суждений мы можем заключить, что А. Герцена, Н. Чернышевского, Д. Писарева объединяло стремление изменить судьбу русской женщины, ее положение и роль в обществе, с которым философы связывали и дальнейшее развитие семьи. Примечательно, что хотя все они и не отрицали любовь как основу семьи (Чернышевский даже заявляет о праве русской женщины любить в статье «Русский человек на rendez-vous», а позднее в романе «Что делать?» излагает элементы своей теории любви, в которой высоко оценивается чувство, не зависящее от законов общества, свобода и искренность), однако отвергали ее полную власть в жизни человека. Объяснение этому мы можем найти только в том, что для А. Герцена, Д. Писарева и Н. Чернышевского любовь являлась, пожалуй, всего лишь аффективной ценностью, но не ценностью действия.

Русские религиозные философы В. Розанов, Н. Бердяев, И. Ильин по-иному понимали сущность семьи, ее предназначение и дальнейший путь развития.

Для В. Розанова семья являлась аутокефальным (самовозглавленным, имеющим свою у себя главу) явлением, древней, первой Богу церковью на земле, у которой свое дело, своя цель, свои права, от Бога идущие, свои задачи: дети и их воспитание, супруги и их жизнь. Но для того, чтобы семья оставалась идеалом, она, по мнению Розанова, во что бы то ни стало должна быть сохранена в русском обществе в чистоте, целомудрии, в святости своей.

В. Розанов указывая на то, что вопрос о «браке необходимо заменить вопросом о семье и не семью регулировать браком, так как эта попытка не удалась, а брак регулировать семьей» [7].

Такая постановка вопроса (по Розанову) была вполне религиозной, так как религия, при благословении человека в союзе полов, утверждала самую семью, а не способ ее начинания; и человеку в последующей законодательной деятельности нужно было найти формы, соответствующие этому благословению, укрепляющие и очищающие семью, но отнюдь не наоборот. Между тем он считал, что на практике произошло обратное, так как форма, а не существо было поставлено основанием брачного законодательства. Сложившуюся ситуацию В. Розанов считал совершенно обратной религиозной истине. Неоднократно подчеркивая, что семья рушится, он призывал к поиску ее идеала. Для самого философа идеалом стала непорочная семья, в которой не «умеют» быть счастливыми, а являются счастливыми. Розанов был убежден, что непорочную семью нельзя рационально построить. «Семья есть мой дом и именно сотканный мною, – писал он. – Без меня ни закон, ни разум семьи не создадут. Вот почему, когда я рушу семью, я рушу свое создание, рву свой покров, изделие внутренностей моих» [7]. Но чтобы семья была непорочной, чтобы в ней были счастливы, а не «умели», не казались таковыми, нельзя, по Розанову, изъять страсти из семьи. Изъять страсти из семьи это значит даже не дать ей возникнуть. Этим утверждением В. Розанов не соглашался с тем, что причина разрушения семьи кроется в сильном действии разнуданных страстей. Наоборот, именно в страстях он видел начало семьи, ее материальное условие. Считая семью институтом иррациональным, мистическим, В. Розанов отрицал укрощение страстей в ней, одновременно признавая при этом главное и единственное средство в борьбе с ними – любовь.

Анализируя состояние русской и европейской семьи, он отмечал, что европейская семья, построенная из долга, стремится к ложному, манящему идеалу, что приведет ее к «ненадежности семейных стропил», к разрушению. Семье, основанной на чувстве долга, он противопоставлял семью, построенную на любви. В семье, где есть долг, отмечал философ, могут быть и непременно есть все степени начинающейся измены, тогда как где любовь – там уже не может быть таковой, ведь изменяют без любви, в безлюбивой семье. Женщину, способную изменить, он находил не в русской, а в европейской семье.

Примечательно, что В. Розанов раскрывает «состояние» счастливой семьи, в которой никуда не спешат, ни к кому не собираются и к себе никого не ждут. Это семьи, в которых есть какой-то свой собственный свет, тепло, поэзия. Часто это бывают молчаливые семьи, семьи, в которых все суетливое исключено, в которых каждый занят своим делом, но «около» друг друга, почти в физическом касании. В них сбиты в «кучу», и свет, и теплота.

Анализируя состояние русской семьи, В. Розанов приходит к выводу, что нелегальная (гражданская) семья, основанная на любви, а не на брачных отношениях, более крепка. Причину этого философ видел в том, что «любовь» или «сожитие» есть вечно ускользающая вещь, которую нельзя удержать юридически. И именно этим она и «дразнит, раздражает, манит, родит любовь и ею, как стальной цепью, и держится». В нелегальных (термин Розанова) семьях, по мнению философа, образовывается такая атмосфера удовлетворенности и покоя, без опасного момента законной скуки, что «связь», будучи ничем извне не обеспечена, становится несокрушима.

В возможности развода он видел условие прочности брака, полагая, что развод есть единственное средство очищения и оздоровления семьи.

Не соглашаясь с общественным мнением, что семья, в которую уже вошел грех, вошла злоба и взаимное отвращение родителей, не может быть расторгнута в интересах ребенка, Розанов указывал, что именно интересы-то «колыбели» и требуют развода, ибо ребенок нуждается не столько в физическом пропитании, сколько в здоровой и чистой вокруг себя атмосфере семьи. И поэтому, не давая развод, мы только углубляем растление семьи. Запреты разводов, утверждал В. Розанов, ведут к неотделенности разврата от брака, толкают человека к разврату, проституции. Запрет нисколько не скрепляет уже умершую и ни морально, ни физически, ни даже квартирно не существующую семью, а только мешает возникнуть еще семье, другой. Может, более счастливой.

Философ был убежден, что поводом для развода может стать не только невозможность физического сожития супругов, но и нравственное уродство одного из супругов, порождающее невыносимое отвращение в другом, мотивируя это тем, что брак является не только физическим, но и нравственно-физический союзом. Силы церкви и государства, считал В. Розанов, а в особенности нравственный авторитет духовенства должны быть сосредоточены на заботах не дать распасться живой, живущей хорошо семье. Священник постоянным и близким участием к семейному быту прихожан мог бы в самом начале тушить встречающиеся и неизбежные здесь конфликты – мирить, умирать, смягчать ссоры и вообще очищать добрым и ласковым советом вовремя атмосферу семьи. В этом он видел возвышенное

признание церкви. Однако, признавая семью институтом интимным, по-клящимся на согласии мужа и жены, В. Розанов полагал, что лучшим судьей семейных разладов должна все-таки стать сама семья и судить себя с точки зрения семейных идеалов, а не юридических норм [6].

Для Н. Бердяева семья являлась позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. «Семья есть необходимый социальный институт и подчинена тем же законам, что и государство, хозяйство и прочие», – писал Бердяев [1]. Представляя семью как хозяйственную ячейку, он подчеркивал, что ее связь с полом всегда косвенная, а связь с любовью еще более отдаленная. Семья, указывал Бердяев, родилась из необходимости, а не из свободы, так как продолжение человеческого рода и его жизнеустройство на земле должны быть поставлены в известную независимость от естественной оргийности и хаотичности пола. Поэтому должен был и образоваться легализованный, нормальный пол как необходимое приспособление к данному состоянию бытия.

Рассматривая семью как послушание последствиям греха и приспособление к родовой необходимости, Н. Бердяев указывал на то, что семья всегда есть принятие неизбежности рождающего сексуального акта, приспособление к проистекающим из него потребностям, моральное искупление греха сексуального акта через послушание бремени пола. Так, в одной из его работ мы находим следующее утверждение: «Семья религиозно, морально и социально оправдывает грешную падшую половую жизнь деторождением и для деторождения возникает. Этим самым

всякая идеология признает, что лишь то соединение мужчины и женщины хорошо и оправданно, в котором совершается сексуальный акт» [1]. А весь пафос семьи, по Бердяеву, рождается из сексуального акта, и всякое иное соединение мужчины и женщины не признается семейным, не считается оправданным, так как без сексуального акта нет деторождения, т.е. нет того, что оправдывает семью, для чего она существует.

Н. Бердяев ратовал за восхождение и взлет семьи к более высоким формам общения мужчины и женщины, общения, в котором был бы преодолен грех сексуального акта, восстановлена цельность пола; за соединение мужчины и женщины в Духе.

Смысл и оправдание брака он находил только в любви, отмечая ее космическую и сверхиндивидуальную природу, считая таинство брака таинством соединения в любви. Поэтому брак без любви был для философа безнравственным. Но любовь понималась им не как послушание, несение тяготы и бремени «мира», а как творческое дерзновение, откровение самого человека. «Любовь, – писал он, – акт творческий, созидаящий иную жизнь, побеждающий “мир”, преобладающий род и природную необходимость» [там же]. Именно в любви утверждается личность, единственная и неповторимая, поэтому смысл любви может быть только личным, он не может быть социальным, он остается скрытым для общества. Творчество акта любви он видел в том, что в нем раскрывается тайна любимого, открывается путь к подлинному восприятию лица в глубине его бытия. Противопоставляя любовь сексуальному акту, Бердяев отмечал, что акт сексуальный безличен, в нем растерзана тайна лица любимого и любящего. Не в сексуальном

акте совершается соединение любви, творящее иную, новую жизнь, вечную жизнь лица. В Боге встречается любящий с любимым, в Боге видит любимое лицо.

Как и В. Розанов, Н. Бердяев предостерегал семью от разврата, от развратности сексуального акта, разъединяющего мужчину и женщину, противоядием которого считал только любовь и духовную жизнь.

Его позиция относительно семейных разводов была близка позиции Розанова. Философ отмечал, что настоящий вопрос в России не в праве на развод, который, конечно, должен быть признан, а в обязанности развода при прекращении любви. Продолжение брака при отсутствии любви – безнравственно. Вопрос о детях он считал важным, но отмечал, что он не может быть решающим, потому что, когда родители не любят друг друга, то это весьма негативно отражается и на детях.

Для И. Ильина семья являлась первым, естественным и в то же время священным союзом, в который человек вступает в силу необходимости. «Этот союз, – писал И. Ильин, – человек призван строить на любви, на вере и на свободе; научиться в нем первым совестным движениям сердца; и подняться от него к дальнейшим формулам человеческого духовного единения – родине и государству» [4]. Ценность семьи была несомненна для Ильина. В его представлении семья являлась и первым лоном человеческой культуры, так как все в человеке слагалось в этом лоне: возможности, чувства, желания, пробуждались силы личной души; здесь ребенок учился любить, здесь слагались основы его характера, открывались в душе главные источники его будущего счастья и несчастья. В течение всей своей

последующей жизни человек оставался представителем отечески-материнской семьи, живым символом ее духа.

Парадоксальность человеческой природы Ильин усматривал в том, что одно из самых ответственных призваний – быть матерью и отцом – делается доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости. Вследствие чего благороднейшее и ответственное искусство воспитания детей почти всегда недооценивается, к нему подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен иметь детей. Тогда как великое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб обусловлено отсутствием семейного воспитания.

Социальной бедой И. Ильин считая распад семьи, которая, по его мнению, разрушалась не от ускорения исторического темпа, а вследствие переживаемого человеком духовного кризиса (агрессивности, внутренней несвободы, окаменевшей совести, отсутствия любви к другим людям), подрывающего семью и ее духовное единение, лишая ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спать и превратить в некое прочное и достойное единство, – чувства взаимной духовной сопричастности.

Выход из кризиса философ видел в том, чтобы не создавать семьи на основе «похоти плоти», инстинктивного влечения, а строить на основе брака в любви и через любовь для создания новой, лучшей и более свободной человеческой жизни.

Размышляя о путях сохранения и развития семьи, он акцентировал внимание на духовной любви. Ильин неоднократно подчеркивал, что семья, основанная на такой любви, становится остоном духовной жизни, представляя собой первоначальную, исходную ячейку духовности, в том смысле, что

именно в ней человек впервые научается быть личным духом. И только дух имеет достаточно глубокое и длительное дыхание для того, чтобы творчески создавать и поддерживать естество семьи, чтобы успешно разрешать не только «проблему половой любви», но и проблему создания нового, лучшего и более свободного поколения.

Интересен тот факт, что духовность, по мнению Ильина, доступна каждой семье, независимо от уровня культуры, а особенно семьям малой «культурности», так как в отличие от семей рациональной культуры, в которых, увлекаясь игрой сознания и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачивают ту непосредственную силу доверия к показаниям внутреннего опыта, необходимого для духовной жизни, они гораздо более способны прислушиваться к показаниям внутреннего опыта: сердца, совести, чувства справедливости. Поэтому духовность в таких семьях несомненна и подлинна. И всюду, где обнаруживается, она является истинным источником прочности и красоты семейной жизни, потому что в «духовной любви» человек любит не только плотское начало, не только телесное явление, но и своеобразие личности, характера, сердечную глубину, для которых внешний состав человека служит лишь телесным выражением. Любовь, по Ильину, только тогда не являлась простым и кратковременным вожделением, непостоянным и мелким капризом плоти, когда человек, желая смертного и конечного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность, вздыхая о плотском и земном, он ставит свою любовь перед лицом Божиим и Божьими лучами освещает и измеряет любимого человека. Именно в этом видел Ильин глубокий смысл христианского венчания, венчающего супругов венцами радости и

муки, духовной славы и нравственной чести, пожизненной и нерасторжимой духовной общности. Прочность семьи, утверждал И. Ильин, требует того, чтобы люди желали не только утех любви, но и ответственного совместного творчества, духовной общности в жизни, в страдании и в ношении бремени. И то, что должно возникнуть из брака, есть прежде всего новое духовное единение и единство – единство мужа и жены: они должны понимать друг друга и «делить» радость и горе жизни. Но для этого они должны однородно воспринимать и жизнь, и мир, и людей, И здесь важно не душевное подобие и не одинаковость характеров и темпераментов, а однородность духовных оценок, которая только и может создать единство и общность жизненной цели обоих [4]. Важно, отмечал Ильин, чему ты поклоняешься, чему молишься, что любишь, чего желаешь себе в жизни и в смерти. Чем и во имя чего ты способен жертвовать. Только тогда муж и жена всю жизнь сумеют верно воспринимать друг друга, верить друг другу и верить друг в друга. Это и есть, по утверждению Ильина, самое главное в браке: полезное взаимное доверие перед лицом Божиим, а с этим связано и взаимное уважение, и способность образовать новую, жизненносильную духовную ячейку. И только такая ячейка может разрешить главную задачу брака и семьи – осуществить воспитание детей.

Всю свою жизнь, утверждал Ильин, человек учится любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. И все это есть христианская любовь.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что религиозные философы в ином видели предназначение русской семьи и указывали

иные пути ее дальнейшего развития. Для В. Розанова идеалом семьи становится непорочная семья, в которой не умеют быть счастливыми, а являются таковыми, и которая строится на иррациональном начале: любви и страсти, на особой духовной атмосфере. Н. Бердяев ратует за создание семьи, в которой был бы преодолен грех сексуального акта, восстановлена цельность пола – целомудрие; за соединение мужчины и женщины в духе. Краеугольным основанием семьи для Бердяева является любовь как акт творческий, раскрывающий тайну любимого и имеющий космическую и сверхиндивидуальную природу. Для И. Ильина основу достаточной и счастливой семьи составляет взаимная духовная любовь мужа и жены, любовь, в которой начало страсти и дружбы сливается воедино, перерождаясь в нечто высшее – в единение. Ища пути оздоровления русской семьи, В. Розанов и Н. Бердяев указывают на необходимость разводов при нравственном и духовном распаде семьи, мотивируя это утверждением, что брак является не только физическим, но и нравственно-физическим союзом мужчины и женщины.

Литература

1. Бердяев, Н. Смысл творчества / Н. Бердяев // Эрос и личность. М., 1989.
2. Герцен, А. Из дневника 1844 г. / А. Герцен // Сочинения. М., 1985. Т. 1.
3. Герцен, А. Капризы и раздумье / А. Герцен // Сочинения. М., 1985. Т. 1.
4. Ильин И. О семье / И. Ильин // Собр. соч.: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
5. Писарев, Д. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова / Д. Писарев // Сочинения. М., 1955. Т. 1.
6. Розанов, В.В. Женщина перед великой задачей / В.В. Розанов // Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992.
7. Розанов, В.В. Семейный вопрос в России / В.В. Розанов // Собр. соч.: в 2 т. СПб., 1903.
8. Чернышевский, Н.Г. Русский человек на «rendez-vous» / Н.Г. Чернышевский // Избранные философские сочинения. М., 1950. Т. 2.